

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

ПОИСК,
И СНОВА ПОИСК

БЫЛО это года два тому назад. Рассказывал знакомый. «Как она пела, девушка эта! — говорил он. — Ток по залу!».

К тому времени «Огромное небо» перепели все. Сначала сам Оскар Фельцман «авторским» голосом, потом Эдита Пьеха, ансамбль «Искатели», Муслим Магомаев. Какой еще после этого ток?

Но вот на сцене не десять парней, решительных и вдохновенных, не кумир с двухметровым разлетом рук. Девушка поет о нелепости. Нелепости смерти, о гибели, ставшей подвигом. Она знает: не думали двое летчиков о подвиге и о смерти не думали — не успели.

Стрела самолета рванулась с небес,

И вздрогнул от взрыва березовый лес...

В этом месте у всех исполнителей — пауза. Драматическая, трагическая, или просто — потому, что так в нотах. У Ниёле была тишина. Мучительная, когда зал вдруг целиком пронизала потеря. И после этой тягучей, жуткой тишины надтреснутым сдавленным голосом:

А город подумал —

учення идут...

Страшно. Песня не должна, не может так кончаться. И тогда взвизывает светлое — над зрительным залом, над тем спасенным городом, над свежей могилой: «Огромное небо, огромное небо, огромное небо одно на двоих!»

Ниёле Таллат-Кялпшайте не то, чтобы ругали. Скорее судачили. Мол, и голос-то у нее не звучит, и скучная она, и воображает на сцене. Вряд ли это были речи убежденных недоброжелателей. Просто не всем и не сразу смогла она себя доказать, потому что всегда, с самого начала была «не как все».

А на эстраду ликующе вырвался «биг-бит». Шумные, ритмичные мальчишки. К концу ураганных вихрей зал вопил и топал. К черту сметались приторнофокстротные страдания, а заодно — и все остальное. Композиторы проявили чуткость к поветрию — все песни стали кончаться нарастающей плясовой. Поэты писали такое: «Хочешь на Луну? — Да! — Хочешь миллион? — Нет!» Расплодилось десятки подражаний греческому «Сиртаки».

Но вот в самом разгаре блистательного Сопота вышел к рампе парень и негромко, под гитару спел «Марию-Луизу» и победил. Вернулась «Гренада» Светлова. Запели «Балладу о красном знамени». Поэтесса Бэлла Ахмадулина принесла в песню «Взрослые лю-

ди» свое трепещущее слово. Югослав Марьянович сам перевел и спел песню о Вьетнаме, написанную в Латинской Америке...

Песня эта сейчас в репертуаре Таллат-Кялпшайте. Что она делала все эти годы? Продиралась через разные вкусы и мнения, через разное понимание. И это не прошло бесследно...

«Уважаемая Ниёле! Я люблю эстрадную музыку, и потому считаю себя вправе сказать о том, что заботит... За чем, зачем в конце концерта Вы преподносите обязательный десерт? Зачем эта «цыганщина», мнимая, пошлая, с ужасно подогнанным текстом?.. Это не Ваше. Вы не имеете права ни у кого идти на поводу!.. Ведь не за «...ах, сто лет тебя не видала...» и прочие глупости получили Вы премии на конкурсах польской песни и «Башнях Вильнюса»... Я понимаю — трудно подобрать свой репертуар. Но нашли же Вы «Нашлайтеле». Ее можно слушать без конца...».

Длинноватая цитата. Но ведь это пишет зритель. Тот самый зритель, мнение которого является сильнейшим аргументом при обсуждении репертуара. Впрочем, если бы это было так! Если бы на программу певцов и впрямь влияло непосредственно мнение зрителя, а не чье-то ложное, запоздалое, иногда даже обидное в своем недоверии мнение о мнении. «Этого он не поймет, этого он не хочет, это его спугнет. А это — да, это, пожалуй, на бис». Зритель, гласит эстрадная мудрость, приходит за весельем. За приятным. За разрядочкой.

И снова, хочет этого певец или нет, будет он разжигать нас залихватскими «ча-ча-ча», снова будут притопы и прихлопы. Считается, что нам это нравится. А если нет? Если надоело раскачиваться под голый ритм? Если мы не за разрядочкой, а наоборот — за зарядом? Если мы пришли, чтобы слушать?

И получается: певец вырос и не хочет больше прыгать. Слушатель вырос и стремится к более интеллектуальным эмоциям. Что же делать?

— Самое сложное — репертуар. Много хороших текстов, но композиторов приходится не то что убеждать, а переубеждать, — это слова Ниёле.

И все же репертуар ее рас-

Н. Таллат-Кялпшайте.
Фото М. Огая. (ЭЛТА).

ширяется. Есть песня Р. Жигайтиса «Девятый форт», зал всегда просит исполнить «Балладу о красках» — не погрешечку, а притчу о цене, заплаченной за счастье людей. Есть «Моя сказка» Б. Горбульскиса, пожалуй, излишне перегруженная, но настоящая песня.

От книг прогибаются полки в квартире Ниёле в Каунасе. Тут часто спорят. Спорят обо всем — об эстраде и музыке вообще, об интерпретации конкретной вещи и актерском самовыражении. Муж Ниёле — Антанас — только что сам не поет. Но зато, как он слушает, как горючит и радуется, как огорчается! И пусть не обижаются руководители ансамблей, в которых пела и поет Таллат-Кялпшайте, по-моему, все-таки он, Антанас, больше всех причастен к тому, что удается сделать Ниёле на сцене.

Песни Марка Бернеса редко кто решается трогать. А «Журавли» — не просто песня Бернеса. Не просто его последняя песня, а написанная для него. Помните, как пел он, зная уже о неминуемом: «Самая лучшая песня не спета... Все еще впереди!..». Помните? И вот она — лучшая его песня. Он сдержал слово. И прощался: «По-птичь окликай всех вас, кого оставил на земле». Светло прощался.

Ниёле выходит на сцену. Тревожны и отрывочны первые фразы. Неверие, нежелание верить. Становится непонятно и оттого неловко. Что это? Ведь должны быть печаль и боль — журавлиный клич нам, оставшимся... Но вот вширь, полосой, стелется вера в бессмертие; вот оно, понимание — песня про других. Про солдат, не вернувшихся с «кровавых полей», про всех, кто, уходя, остался. На земле, в журавлином кличе, в нас...

Так пела Ниёле, или мне показалось... Может быть, вы услышите другое. Может быть, вам захочется поспорить. Ведь редко еще поют на эстраде так, что хочется спорить...

С. ШИШКУТЕ.